

К ликвидации коммунистической партии

Кто следит за нашими прогнозами, начиная с № 1 «Т. Р.», о назревающих изменениях во внутренней советской жизни, не будет отрицать, что они часто почти дословно оправдывались потом. Теперь мы рискуем утверждать, что сейчас на очереди возможность, — правда, в высшей степени проблематическая, — главного и решающего изменения, — изменения в том факте, который является основным моментом, *conditio sine qua non*, без изменения которого все бывшие до сих пор изменения не меняют ничего и с изменением которого меняется все. Этот факт — монополия на право общественно-полит. мысли и действия, принадлежащая одной сотой советских граждан, другими словами, политическая монополия компартии.

Тот, кто сказал «а», должен сказать и «б». И Сталин, если брать последний и самый важный этап в его реформаторской деятельности, сделав со своей октроированной конституцией первый шаг, должен будет сделать и второй, если то, что он делает, действительно, политическое творчество, а не политическое шулерство, настоящее делание Истории, а не «тактическое» втирание очков.

Демократическая и даже «самая демократическая в мире» (!) конституция и сохранение за одной лишь сотой граждан права на политическую мысль и политическое действие, есть, конечно, сущий вздор, который понятен всякому полу-грамотному дураку, а тем более русскому народу, на собственной спине выносящему все предположки и следствия этого явного вздора. И не дурак же Сталин, чтоб не понимать, что такими медвежьими фокусами скорее можно растерять последний свой политический кредит, чем завоевать чье либо сочувствие. Следовательно, если он решился на первый шаг, означающий формальную ликвидацию почти всей советской системы, то он не может не сделать и второго шага, без которого и первый не только обесмысливается, но и является явно опасным.

Возможность этого кажется мало вероятной потому, что она кажется слишком большой. В действительности, это так лишь на юридический аршин; на мерку же реальных фактов — дело уже и теперь близко к этой возможности. — Ведь был же политически ликвидирован комсомол — эта компартия младшего возраста. В самом деле. Ведь уже сейчас коммунистическая партия — почти что лишь рудиментарное явление в реальной советской жизни. Она та слепая кишка, тот ненужный и потому вредный остаток некогда необходимого органа, который теперь лишь мешает организму и может

явиться даже роковым для него. Тем более, что эта «слепая кишка» занимает не безразличное место в организме, а помещается в самом важном и ответственном его месте.

По существу, компартия в России сейчас — уже отработанный пар истории. «мавр, сделавший свое дело». И она должна достойным образом уйти, если не хочет быть «бесцеремонным» образом убранный. Сталинская реформаторская деятельность и есть попытка такого достойного «ухода» «мавра», сделавшего свое дело. В противоположность этому — иным, неразумным «мавром» оказался Троцкий со своей компанней, и мы видим, какая судьба постигла его и всю эту компанию. Счастье Ленина в том, что он своевременно умер, иначе и его бы постигла участь Троцкого... если бы, он, конечно, остался прежним Лениным.

И в этом нет ничьей вины, в частности нет, и вины Сталина. Иап если уж есть чья либо вина, то вина самой истории, которая переступает через труп тех, кто становится ей на дороге. Такого рода трупом и оказался Троцкий.

Больше того, в исторической слабости компартии и состоит стратегическая сила Сталина, который эту ее слабость понял и ловко и смело ею пользуется. Ведь все теперешнее могущество Сталина выросло в умалении коммунистической партии.

Однако, поскольку, с другой стороны, и сам Сталин все же не порвал еще окончательно с компартией и продолжает с ней связывать свою судьбу, постольку ее слабость есть в тоже время и его слабость, ее умаление есть самоумаление для него самого. Можно сказать, что именно в этом месте, в этой связи его с исторически обреченным, с приговоренным смертником истории и состоит уязвимое место в теперешнем могуществе Сталина, его настоящая Ахиллесова пята. Поэтому, как Наполеон для окончательного завершения своей власти должен был разогнать и официальные остатки сыгранной уже тогда трагедии революции, так и Сталин, расширяя и укрепляя свое положение, должен будет, в конце концов, разогнать ту выродившуюся ораву нового паразитарного сословия, нового, «красного дворянства», в которое превратилась уже компартия. Ибо теперь компартия это то, что лишь отделяет его от русского народа — с одной стороны, от всего цивилизованного мира — с другой и от самой жизни, здравого смысла и требований истории — с третьей стороны.

Поэтому, разогнав это уже мертвое и разлагающееся средостение и через то заключив союз и с русским народом, и со всем цивилизованным миром, и с самой жизнью, с самими требованиями времени, Сталин станет действительно всемогущим.

Понимает ли это сам Сталин? Да, конечно, понимает. Готов ли он сделать соответствующие из этого выводы? — Он их уже делает. В чем? — В том, что он делает. Но только он делает это последовательными и безболезненными дозами, подготавливая каждый шаг и закрепляя каждый уже сделанный шаг.

Так обстоит дело в области реальных советских фактов, в области же советских идей обстоит — как это не покажется неожиданным — еще более не в пользу компартии. Ведь даже если мыслить не разумом, а цитатами из Маркса и следовать не указаниям логики и фактов, а тому, что об этом у Маркса написано, то и тогда в самой идеологии коммунистической партии есть ею же самой вынесенный себе смертный приговор, исполнению которого по этой же идеологии наступило теперь время. По этой идеологии политика есть лишь концентрированная экономика. В частности, всякая партия — лишь авангард своего класса. Но раз теперешняя со-

ветская, «социалистическая» экономика уже не знает эксплуатации и неравенства, то и в политике не должно быть больше подавления и неравенства. Раз нет классов, то и их представляющих партий, в частности, коммунистической партии, не должно уже быть. Кроме того, основной марксистской догмой является, что диктатура пролетариата и его авангарда, коммунистической партии есть состояние временное, — впрямь до осуществления социализма. Но сейчас самой властью провозглашена полная победа социализма, значит должен наступить конец и диктатуре пролетариата во главе с его коммунистической партией. Не даром из всего советского обихода уже вытесняется специфически марксистское понятие «пролетариата» и заменяется нашим понятием «трудящихся».

О том же говорит и марксистская теория об «отмирании государства», весь «диалектический метод» марксизма, требующий все рассматривать в движении, в изменении, в развитии, вся наконец его «философия» и «социология», поскольку в них имеются элементы научности. Так что даже громя марксизм и ликвидируя одно за другим его укрепления, Сталин мог бы при желании быть представлен, как его наиболее верный и строгий последователь.

Нечего уже и говорить, насколько он прав по существу в этой своей ликвидаторской деятельности в отношении политической монополии компартии. Социализм есть почти синоним равенства. «Буржуазия» принесла лишь политическое равенство и свободу, «пролетариат» же обещал дать и социальное равенство и раскрепощение. Тем не менее, равенство в праве на мысль, на творческое слово и действие остается самым высоким, самым святым и первейшим правом человека. Значит пролетарская диктатура, если бы она вообще отвергла это равенство, увековечив фактически себя, была бы не шагом вперед, а огромным шагом назад, не революцией, а реакцией даже с точки зрения «буржуазных» свобод и равенства. Она была бы откатом к тому «кучачьему праву» Средневековья, с его сословно-иерархическим режимом, против которого и восстала «буржуазная» революция. Поэтому, если новая высшая форма демократии должна завершить и восполнить свободы, которые уже были завоеваны «буржуазией», то тем более она не может их урезать и ограничивать. Монополия же компартии, т.е. какой-нибудь сотой доли всего населения, в праве на полит. мысль и действие есть чудовищное проявление неравенства и нарушения самых элементарных свобод. Следовательно, ликвидация этой монополии, если бы она была выполнена Сталиным, явилась бы актом действительного равенства и освобождения, актом, который составил бы собой настоящую эпоху в современном развитии России.

Бережной.

Провокаторы фашизма

Теперь уже ни для кого не представляет сомнения, что коммунизм не только не может исторически победить, но что и идейно он изжит и дискредитирован. Недаром сами коммунисты вынуждены всячески скрывать свои настоящие намерения и маскироваться под чужие образцы — то фашистские, то демократические: тот, чьи идеи популярны и заразительны, не станет их скрывать и прятать под чужими масками.

Но будучи не в силах победить, коммунизм, тем не менее, всюду играет роль возбудителя тех опасений и тревог — иногда искренних, а чаще демагогических — в атмосфере которых зарождается и созревает фашизм, — этот инстинкт самосохранения современной цивилизации, ее S.O.S. — по выражению З. Н. Гиппиус.

Фашизм — явление превентивного характера. Это профилактика, направленная против возможной коммунистической болезни. Как в момент военной тревоги взводят на осадное положение город, так фашизм есть своего рода осадное положение, которое об'являют народы, в виду угрожающей им коммунистической опасности. Поэтому в таких странах, как США, Англия и др., где нет не только реальной, но и кажущейся опасности коммунизма, нет никаких серьезных признаков и фашизма.

Следовательно, фашизм — явление производное, рефлективное. Он не решает ни одной большой проблемы современности, и даже те вопросы, которые он ставит и решает, он решает наспех, провизорно, часто лишь паллиативно. Зато все острое его направляется на борьбу с коммунизмом, который и вызвал его. Поэтому совершенно непостижимой близорукостью является тактика тех, кто для борьбы с фашизмом, т.е. со следствием, объединяются с коммунизмом, т.е. с причиной, — тем более, что коммунизм не только таким косвенным образом, но и в прямом смысле является более решительным врагом их, чем фашизма. Так из-за исторической вины своего собственного злейшего врага эти люди добровольно становятся его жертвой.